

С. К. Хойт
г. Элиста, Россия

КАЛМЫКИ В РАБОТАХ АНТРОПОЛОГОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX вв.

Данная статья является продолжением обзора работ (Хойт, 2008а) по физической антропологии волжских ойрат (калмыков). В отличие от предыдущего периода, в первой половине XX в. чисто этнографические работы или работы смешанного характера, в которых содержались бы антропологические сведения, исчезают. Что касается собственно антропологических работ XX в., то они, как и работы XVIII–XIX вв. имеют довольно разный масштаб, сильно варьируясь в объемах выборок, этно-территориальной принадлежности изучаемых групп (некоторые исследователи ограничиваются только указанием на то, что исследуемая группа калмыцкая, не указывая, какая именно), методах, а также времени и месте проведения исследования. В отличие от XVIII–XIX вв., когда сведения по антропологии калмыков публиковались помимо русского на французском, немецком и английском языках, все известные нам работы первой половины XX в. – на русском языке, что объясняется, по всей видимости, невозможностью изучения калмыков зарубежными исследователями в XX в., особенно в советский период.

Учитывая то, что практически все источники первой половины XX в. в наши дни являются библиографической редкостью, представленные в них результаты приводятся по возможности полностью. Для некоторых работ, авторы которых выходят за рамки изучения калмыков и делают выводы представляющие интерес для физической антропологии в целом, в данном обзоре даются антропологические реминисценции общего характера. Для санитарно-гиги-

В статье рассматриваются работы антропологов первой половины XX в. по физической антропологии волжских ойратов (калмыков). Помимо морфометрических данных приводятся сведения демографического характера, есть упоминания об этносоциальной структуре, административном устройстве и образе жизни калмыков. Разница в распространении антропологических типов среди калмыков свидетельствует о разных путях сложения отдельных ойратских групп.

* * *

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Ойратские этнические группы в Калмыкии и Монголии: проблемы этногенеза (междисциплинарный подход)», проект № 07-01-92006 а/Г)

енического исследования 1925-1926 гг. помимо морфометрических данных мы сочли возможным привести в этом обзоре демографические и иные сведения. Следует отметить, что в литературе рассматриваемого периода, как и в трудах XVIII–XIX вв., встречаются «глухие» ссылки: упоминание автора и названия работы, без указания названия книги, года и места издания; иногда указывается только автор. Такие ссылки приводятся у нас так же, как они были даны в тексте оригинала. Обзор дается в хронологическом порядке, как правило, по датам сбора материала (и/или времени исследования). В случаях же, если такая информация отсутствует – по датам публикаций.

Первой известной нам антропологической работой XX в., посвященной калмыкам является статья Воробьева, опубликованная в 1903 г. Помимо собственно антропологических данных автор приводит в ней массу других сведений: работы предшественников; состав монголов в широком смысле слова, состав ойрат (и калмыков в их числе); общее описание калмыцкой степи, ее климата и особенностей хозяйства кочевых скотоводов; различные экономические сведения; сведения о религии, о численности калмыков и их духовенства; описание этносоциальной структуры, административного устройства, образа жизни, в том числе и семейной, положения женщин, отношений с некалмыками; дифференцировку физического типа по Житецкому; описание психических и интеллектуальных особенностей народа и свой прогноз на будущее.

Что касается собственно антропологического исследования калмыков, которое «до сих порь слишком еще не полно», Воробьев (1903) упоминает о работах Deniker'a, Kollmann'a, Мечникова и фон Эркerta. Отмечая, что наибольшая исследованная выборка (у Мечникова) не превышает 30 человек, он пишет, что осенью 1900 г. ему удалось побывать в калмыцкой степи и исследовать 75 взрослых мужчин. Этно-территориальная группа или хотя бы район исследования автором, к сожалению, не отмечаются, хотя судя по упоминанию некоторых родов можно предполагать, что в выборку вошли как дervюды так и торгууды.

Давая групповую характеристику калмыков, Воробьев пишет, что в массе своей калмыки несколько низкорослы, хотя имеются отдельные индивидуумы и даже целые семьи «отличающиеся хорошимъ ростомъ». Полученная им средняя арифметическая **роста** составила 1642,2 мм. Упоминая наблюдение Ивановского (1893) о том, что рост тарбагатайских торгоутов заметно отличается по родам, Воробьев обнаруживает эту же особенность и у исследованных им калмыков, приводя средние по родам с наибольшими числами наблюдений.

Зюнгаровъ родъ	(6 набл.)	1574 mm.
Шемнировъ	(8)	1588
Кэтчинеровъ	(7)	1612
Эркетеневъ	(8)	1687 (1637? – цифра стерта X.C.)
Баруновъ	(7)	1656
Баруновъ-Керетовъ (недавно слились в один)	(11)	1639
Зюневъ	(6)	1684
Мэркетовъ	(4)	1710

Несмотря на большую вероятность ошибки выборки, вследствие малого числа наблюдений, Воробьев отмечает, что данные по двум родам Мэркэт и Баруун, имеющиеся у него и Ивановского совпадают по своей направленности. Первый, также высокорослый, по данным Ивановского имел среднюю длины тела в 1677 мм, второй, также низкорослый – 1593 мм. Второй особенностью, которую отметил Воробьев, является более высокий сред-

ний рост калмыков по сравнению со средним ростом тарбагатайских торгоутов. Причиной этого факта, как и факта разницы в росте между отдельными родами, он был склонен считать метисацию с русскими.

Высота от пола верхнего края лонного сращения (*symphysis pubis*) составляла 49,95% от роста. По данным Мечникова (1876) – 49,91% и Ивановского (1893) – 50,34% роста.

Развитие мускулатуры оценивалось Воробьевым как очень хорошее, заметное благодаря сухощавости, являвшейся у калмыков общим правилом.

Волосы «блестяще-черного» цвета или темнорусые, очень темного, близкого к черному, оттенка.

«**Радужная оболочка** импрегнирована обыкновенно темным пигментом».

Цвет кожи на лице «смуглый, с желтоватым оттенком», в защищенных местах значительно светлее. У некоторых индивидуумов кожа светлая, при этом по остальным признакам они не отклоняются от монгольского типа.

Волосы описывались как не слишком густые, но толстые, жесткие и прямые. Среди метисов отмечаются субъекты с волнистыми, даже слегка курчавыми волосами. «Большинство калмыков стрижется по-козачки «въ кружечъ», иногда при этом сбривая волосы на лбу на высоту 5-6 сант. отъ начала волосистой линіи. Въ этомъ сбриваніи волосъ на лбу сохранилось какъ бы воспоминаніе объ обычаѣ брить всю голову, оставляя лишь на ея макушкѣ косу. Этотъ обычай, сохранившійся до сихъ поръ у той торгоутской вѣтви, которая ушла въ Тарбагатай, у приволжскихъ калмыковъ исчезъ окончательно».

Борода и усы отсутствовали, либо были представлены редкими черными волосами.

Мозговой отдел характеризовался брахицефалией, индекс – 83,05.

Величина головы в вертикальной проекции составила 14,07% роста.

Лицо уплощенное, широкое, но при этом достаточно длинное, «такъ что круглолицыми калмыки никакъ не могутъ быть названы».

Форма глаз характеризовалась «замѣтно косымъ прорѣзомъ глазной щели» и эпикантусом (*epicanthus*), который согласно Мечникову, Ивановскому и др. наиболее выражен у детей и молодых индивидуумов, в старости же сглаживается и даже исчезает. Наблюдения Воробьева на выборке в 200 человек показали, что эпикантус «замѣтно убываетъ уже и въ среднихъ лѣтахъ». В возрасте 20-30 лет он отмечался 85%, 30-35 лет – в 60%, от 40 лет и выше – в 10-15% (в возрасте от 45 лет эпикантус почти не встречался).

Нос «не кажется на видъ длиннымъ», хотя по абсолютной длине довольно велик. Спинка, особенно в переносье, широка и низка, кончик носа приплюснут, ширина в крыльях значительна.

Ухо составляло в среднем 67,8 мм или 4,12% роста. «Недостаточное загибаніе свободного края уха», т.е. недоразвитый завиток не отмечен. Хорошо развитый завиток отмечен в 73,2% («у великоруссовъ же всего въ 52,4%»). Переход мочки в кожу щеки под острым углом («приращеніе мочки фор. I по схемѣ Schwalbe») показали у калмыков 50,9% такой формы, что вкупѣ с данными Ивановского по тарбагатайским торгоутам, Луценко и Сапожникова по теленгетам и бурятам подтверждает предположение Ивановского об этом признаке, как характерном для монголоидов.

Данные Воробьева по измерительным признакам в сравнении с данными предыдущих авторов выглядят следующим образом.

Измерения и соотношения	30 приволжских калмыков (Мечников)	13 калмыков Мало- Дербетовского улуса (Kollmann)	6 приволжских калмыков (Деникер)	75 приволжских калмыков (Воробьев)	9 кавказск. калмыков (Эрберг)	12 масовь донских калмыков (Ивановский)	73 тарбаг. торгоугов (Ивановский)
Рост	1635	1560,7	1613	1642,2	1620	—	1633
Величина головы	246	—	—	231	—	—	227,4
Высота над поломъ acromion'a	—	—	1311	1323,6	—	—	1339
пупка	984	—	948	980,5	—	—	977
лонного сращения	816,7 (49,91%)	—	800 (49,5%)	820,4 (49,9%)	—	—	823 (50,34%)
Наиб. продольн. діам. головы	—	187,7	193	188,3	189	—	188,1
Наиб. поперечный	—	151,4	157	156,3	156	—	159,1
Наименьший лобный	—	112	102	105,8	—	125,3	118,9
Наиб. ширина лица	—	—	148	150,9	149,8	159,5	158,5
Длина лица отъ корня носа	—	—	—	120,4	—	124,5	134,6
Длина носа	—	51,5	51	54,8	52,8	56,3	68,0
Ширина носа	—	38,0	35,8	37,4	39,1	41,5	41,0
Горизонт. окруж. головы	576	570	586	563,9	—	—	573,8
Показатели: головной	—	80,65	81,36	83,05	82,5	—	84,68
носовой	—	73,78	70,5	68,85	74,05	73,90	60,46
лицевой	—	81,87	—	79,78	—	—	84,93
Длина уха	—	—	—	67,8	70,78	70,05	67,11
Ширина уха	—	—	—	38,6	—	—	—

В 1901 г. работу Воробьева (1903) дополнил своими описаниями и измерениями другой исследователь – Королев (1903). Из около 200 обследованных им индивидуумов «полные измерения» были произведены у 156 человек (135 мужчин и мальчиков, 18 женщин и девочек), для остальных были определены только размеры головы и лица. Малое число обследованных женщин, заставило его отказаться от анализа данных по ним. В мужской выборке, после исключения из нее 45 человек до 20 лет, осталось 93 (для некоторых признаков 97) наблюдения – «число, пожалуй, достаточное для вывода средних, но слишком малое для целей более детального анализа». К сожалению, как и в предыдущей работе исследованная этно-территориальная группа (группы) калмыков или хотя бы район исследования, автором не указываются.

Средний **рост** обследованных в 1901 г. 93 мужчин в возрасте от 21 до 65 лет составлял 1641,3 мм. Распределение по величине роста приводится Королевым следующим образом:

Ростъ отъ 1400 до 1500 m.m. наблюдался въ	1 случ.	1,07% общаго числа
„ „ 1501 „ 1550 „ „ „	7 „	7,54% „ „
„ „ 1551 „ 1575 „ „ „	6 „	6,45% „ „
„ „ 1576 „ 1600 „ „ „	15 „	16,13% „ „
„ „ 1601 „ 1625 „ „ „	13 „	13,98% „ „
„ „ 1626 „ 1650 „ „ „	13 „	13,98% „ „
„ „ 1651 „ 1675 „ „ „	12 „	12,90% „ „
„ „ 1676 „ 1700 „ „ „	9 „	9,67% „ „
„ „ 1701 „ 1725 „ „ „	5 „	5,38% „ „
„ „ 1726 „ 1750 „ „ „	7 „	7,54% „ „

„	„ 1751	„ 1775	„ „ „	3	„	3,21%	„ „
„	„ 1776	„ 1800	„ „ „	2	„	2,14%	„ „

Отмечается, что средний рост калмыков лежит на 9 мм «ниже общепринятой границы между высоким и низким ростом (1650)». Выше этой границы располагается 37 набл. (39,77%), ниже – 56 (60,23%), что указывает на значительную тенденцию к низкорослости. Сравнение с результатами Ивановского и Воробьева дало следующий ряд: 1633 мм, торгууты Ивановского (1893) -> 1641,3 мм, калмыки Королева (1903) (этно-территориальная принадлежность не указана) -> 1642 мм, калмыки Воробьева (1903) (этно-территориальная принадлежность не указана). Королев пишет, что если торгутов, проживающих в Азии считать «за представителей первоначального общего типа, то окажется, что наши калмыки успели ужеклониться от него – по крайней мере, по своему росту». Он отмечает также, что на изменение типа возможно указывает и размах колебаний от среднего роста. В то время, как рост торгутов Ивановского колеблется в пределах 1555-1750 мм, среди обследованных им калмыков он отмечает 8 чел. (8,6%) с ростом от 1400 до 1555 (min – 1460 мм), 4 чел. (4,28%) с ростом от 1751 до 1800 (max – 1786 мм).

Относительная **высота symphysis pubis** для 92 чел. составила в среднем 49,42% от роста. Сравнение с соответствующими цифрами предшественников показало: 50,36% у торгутов Ивановского (1893) -> 49,42% у калмыков Королева (1903) (этно-территориальная принадлежность не указана) -> 49,91% у калмыков Мечникова (1876) (этно-территориальная принадлежность не указана) -> 49,99% у калмыков Воробьева (1903) (этно-территориальная принадлежность не указана). Несмотря на то, что 49,42% ближе данным Мечникова, чем Ивановского, Королев не разделяет взглядов первого отмечая, что высота symphysis pubis «едва ли может служить хорошим расовым признаком», являясь «по всей вероятности, функцией роста, и перед антропологом стоит нелегкая задача определить, где кончается действие общих законов корреляции и где начинается непосредственное влияние расы».

Средняя относительная **длина туловища** (от асгомion'a до промежности) составила около 35,5% роста. У торгутов Ивановского – 35,3%. Для европейцев Deniker (Les races et les peuples de la terre. цит. по: Королев, 1903) определил эту величину (не указывая, между какими точками она измерялась) в 32,7%. Таким образом, у калмыков и у тарбагатайских торгутов относительная длина туловища оказывается значительно большей, чем у европейцев.

Сопоставление данных для **длины нижних конечностей** (от пола до промежности), а также для отношения длины туловища к длине конечностей показало следующее:

Рост	Длина туловища въ % роста	Длина конечн. въ % роста	Длина туловища въ % длины конечностей
Низкий (1460-1600)	35,28	46,65	76,22
Ниже среднего (1601-1650)	35,67	46,42	76,80
Выше среднего (1651-1700)	35,51	46,17	76,80
Высокий (1701-1781)	35,82	46,77	76,75
Среднее	35,54	46,49	76,60

Королев указывает, что колебания цифр очень слабы и не обнаруживают определенной тенденции. Это говорит об отсутствии связи между более высоким ростом и преобладанием конечностей над туловищем или, по крайней мере, об отсутствии постоянства связи между этими признаками, которая отмечалась некоторыми авторами.

Соотношения между **обхватом груди** и ростом выглядели следующим образом:

Ростъ	Объемъ груди
Низкій (до 1600)	55,26
Ниже средняго (1601—1650)	54,51
Выше средняго (1651—1700)	53,25
Высокій (выше 1700)	53,76

Из указанных соотношений Королевым делается вывод, согласно которому более высокому росту соответствует сравнительно меньший обхват груди. Средний обхват, составивший 54,33% от роста, указывает на «прекрасное развитие у калмыковъ груди». При детальном же рассмотрении «фактъ сильнаго развитія у нашихъ калмыковъ груди выступаетъ еще ярче. Въ самомъ дѣлѣ, только у одного субъекта (въ возрастъ 25 л. и при ростъ 1697 m.m.) объемъ груди оказался меньше 50% роста, именно 47,91, только у 3-хъ меньше 51%». Общая же группировка показала следующее:

Объемъ груди меньше	54% роста имѣють	39 суб. или	41,5%
отъ 54,01% до 55% „ „	21 „ „		22,3%
„ 55,01% „ 58,39% „ „	34 „ „		36,2%

Как о постоянных для калмыков признаках говорится о черных, часто блестящих волосах и темнокарих глазах.

Волосы на голове характеризовались как прямые, толстые и жесткие.

В отличие от других исследователей Королев отмечал развитие **третичного волосяного покрова**, названное им «волосатостью». Упоминая об этом признаке, как нехарактерном для монголоидов, он писал о значительном числе субъектов с ясно выраженной «волосатостью» тела, «именно болѣе или менѣе значительная волосатость отмечена мною у 34 чел. (около 37%), причемъ у одного оказалась обильная волосатость, у 19 – средняя, т.-е. приблизительно такая, какая бываетъ обыкновенно у великоруссовъ; у остальныхъ же 14 чел. волосатость, хотя въ общемъ скудная, но мѣстами очень замѣтная, отчасти даже обильная». Сопоставление случаев необычной волосатости с другими признаками не привело к какому-то определенному результату, как полагает Королев, возможно, по причине малой выборки.

Средняя «величина» головы, точнее ее **вертикальной проекции** (измеренной в немецкой горизонтали) для 96 чел. составила 222 мм или 13,53% от среднего роста. У Ивановского – 227 мм (13,92%), Воробьева – 231 мм (14,07%). Приведенная для сравнения средняя для великорусов (Рождественский «Величина головы человека» цит по: Королев, 1903) существенно отличается – 208,7 мм (12,71%). Максимальные величины показывают у калмыков 242 мм, у тарбагатайских торгоутов – 255 мм. Минимальные почти совпадают (203 и 204). На основании перелома кривых зависимостей абсолютной и относительной вертикальной проекции головы от роста Королев предположил смещение двух групп (рас) низкорослой, большеголовой и высокорослой, малоголовой, хотя тут же оговорился, что в силу малочисленности материала это всего лишь догадка.

Средняя **горизонтальной окружности головы** выборки Королева мала по сравнению с торгоутами и довольно близка средней рязанцев, исследованных Воробьевым.

	Торгоуты	Астр. калмыки	Рязанцы	Астрах. калмыки, изсл. г. Воробьевымъ
Средняя абсолютная	573,22	564	561,5	563,9
Maximum	600	601	620	—
Minimum	540	523	516	—
Средняя относительная	35,10	34,45	34,03	34,33

Королев отмечал, что по данному признаку его выборка во всех отношениях стоит между торгоутами и рязанцами, ближе к последним, чем к первым. При этом уменьшение средней величины горизонтальной окружности по сравнению с торгоутами, обуславливается неравномерным понижением всех величин. При почти одинаковых максимумах, минимумы заметно отличаются. Он писал, что на величины до 540 мм у калмыков приходится 3,2% случаев, у торгоутов – ни одного; на величины до 570 мм у калмыков 64,5%, у торгоутов – только 18%; при этом у последних более половины всех случаев находится между 571-580 мм (50,69%), тогда как у калмыков в этих пределах наблюдалось лишь 22,57%.

Соотношение между величиной горизонтальной окружности и ростом показывало тот же характер зависимости, что и соотношение вертикальной проекции к росту. В обоих случаях абсолютная величина изменялась в том же направлении, что и рост, но гораздо медленнее его. Увеличению роста на 16% соответствовало приращение вертикальной проекции головы на 5%, приращение горизонтальной окружности выражается очень близкими 5,5%. Приращение роста в 3 раза превосходило приращение как того, так и другого размера.

Средний **головной указатель** (индекс) для 96 мужчин 21-65 лет был определен в 81,08. Для сравнения у тарбагатайских торгоутов – 84,68, у калмыков исследованных Воробьевым – 83,05. Королев предполагал, что промежуточное положение цифр Воробьева возможно объясняется более тщательным исключением случаев явной метисации, что должно было приблизить его к выводам Ивановского. Королев отмечал «тогда как у торгоутов индивидуальная величина индекса ни разу не спускается ниже 81,34, у волжских калмыков в 3-х случаях мною отмечены величины ниже 75,00 (min.-74,34), т.-е. уже в пределах типичной долихоцефалии, однако максимум, полученный мною (89,13), значительно приближается к максимуму для торгоутов». При разбиении выборки на группы по величине головного индекса долихоцефалы (индекс менее 75,00) у калмыков составили 3,13%, субдолихоцефалы (75,01-77,77) – 14,58% и мезоцефалы (77,78-80,00) – 19,79%, вместе эти группы составляли 37,5%. Наиболее многочисленную группу составили суббрахицефалы (35,42%), настоящими брахицефалами оказалось лишь 27,08%. Данные Ивановского (1893) показывают у торгоутов 76,71% типичной брахицефалии и 23,29% случаев не выходящих за пределы суббрахицефалии. Таким образом, в отличие от почти полностью брахицефальных тарбагатайских торгоутов, калмыки показали большую неоднородность по данному признаку. При сопоставлении головного индекса и роста 37,5% мезоцефалов, субдолихоцефалов и долихоцефалов, имели средний рост 1656 мм. Суббрахицефалы и брахицефалы оказались более низкорослыми – в среднем 1629 мм. При более детальной группировке высокорослость долихоцефалов оказалась более выраженной. Группа с индексом от 74,00 до 76,99 показала средний рост – 1687 мм (на 46 мм выше общего среднего), причем из 9 чел., составляющих эту группу, лишь 2 оказались низкорослыми, остальные 7 – выше 1657 мм и 5 из них – выше 1700 мм. При этом крайний максимум головного индекса не соответствовал крайнему минимуму роста. Минимум роста встречался в группах с индексом от 80,00 до 83,00 (средний рост – 1610 мм), при этом индексу от 84,00 до 89,00 соответствовал средний рост 1631 мм. Констатируя разнообразие калмыков по головному индексу и связь долихоцефалии с более высоким ростом Королев весьма осторожно пишет «если мы не можем пока говорить о метисации, как о доказанном факте, то вероятность ее во всяком случае, мне кажется, значительно увеличивается сделанным нами сопоставлением».

Средняя **наибольшая ширина лица** составила 146 мм. По данным Ивановского – 158,5 мм, Воробьева – 150,9 мм. Королев обращает внимание на факт меньшего абсолютного

размера ширины лица калмыков по сравнению с торгоутами, упоминая, что последние отличаются от первых более низким ростом.

Средняя **длина лица** (от начала роста волос до подбородка) – 184,8 мм. По данным Ивановского – 186,6 мм, Воробьева – 189 мм.

Средний **лицевой указатель** – 79,29. По данным Ивановского – 84,93, Воробьева – 79,78. Тот же указатель для рязанцев по данным Воробьева 77,11.

Средний **внешний глазничный диаметр** составил 104,4 мм. По данным Ивановского для черепов астраханских калмыков (38 набл.) средний внутренний глазничный диаметр – 98 мм, внешний глазничный диаметр – 106 мм; по его же данным для 13 черепов торгоутов средний внутренний глазничный диаметр – 96 мм, внешний глазничный диаметр – 104 мм.

Характеризуя выступание скул, Королев использовал отношение внешнего глазничного диаметра (верхней ширины лица) к наибольшей ширине лица, которое показало 71,57. Для получения аналогичного отношения для данных Ивановского он использовал внешний глазничный диаметр 104 мм (для черепов) и наибольший поперечный диаметр у живых торгоутов 158,5 мм. Данный показатель величиной 65,61 оказался меньше такового у калмыков, что говорит о меньшем выступании скул калмыков по сравнению с тарбагатайскими торгоутами. Сопоставляя данный показатель с головным индексом и ростом, Королев выделил 9 субъектов обнаруживающих по этим признакам отклонения от монголоидного типа, кроме того «параллелизм» этих признаков распространялся и за пределы этой группы.

Эпикантус «почти всегда» отмечаемый у детей «въ юношескомъ возрастъ нерѣдко сохраняет свою характерную форму, но уже къ 35-40 г. постепенно начинаетъ исчезать».

Длина и ширина носа калмыков оказалась меньше таковых у тарбагатайских торгоутов, при этом поскольку уменьшение в длину более значительно, чем в ширину, то носовой указатель изменяется в обратном направлении, то есть у калмыков он больше.

Авторы	Длина	Ширина	Указатель
Королевъ	52,7 mm.	38,5 mm.	73,37
Воробьевъ	54,8 mm.	37,4 mm.	68,25
Ивановскій	68,03 mm.	41,05 mm.	60,46

По данным признакам Королев отмечал промежуточное положение данных Воробьева между его выборкой и данными Ивановского, а также промежуточное положение своей выборки между монголами-торгоутами и великорусами, нос которых меньше и в длину и в ширину. Кроме этого он писал, что нос астраханских калмыков, при меньшей абсолютной ширине, по относительной ширине значительно превосходит нос торгоутов. И в то время, как последние являются типичными лепторинами, обследованные им калмыки относятся к мезоринам.

Помимо этих признаков Королев отмечал резко очерченные носы «совершенно отличающиеся отъ обычнаго монгольскаго типа, когда переносье и крылья носа отграничены отъ окружающихъ частей лица лишь очень слабой кривизной; такая форма носа отмечена мною въ 33 случаяхъ (34%)».

Форма спинки носа в целом не характеризовалась, однако для некоторых калмыков констатировалась выпуклая спинка «у 17 суб. носъ оказался слегка горбатымъ, а у одного даже очень сильно». При этом «горбатость» далеко не всегда совпадала с резкими очертаниями с боков. Из 33 резко очерченных носов «горбатыми» оказалось 8, из 18 «горбатых» носов 10 не имели резких очертаний. Связи между формой спинки носа и другими признаками (головной, лицевой индексы, форма уха, цвет волос и глаз) обнаружить не удалось, за

исключением роста, хотя и в этом случае Королев не исключает случайности. Средний рост 18 горбоносых субъектов составлял 1662 мм, тогда как для всех калмыков – 1641 мм. Из этих 18-и выше 1700 мм было 7 чел. (39%), для выборки в 93 чел. (18%), рост выше среднего (1650) оказался у 12 чел. (66%), для всей выборки они составили 34%. «Таким образом обладатели горбатых носов выделяются, повидимому, из общей массы, как по средней величине своего роста, так и по относительному количеству высокорослых. Значение этой зависимости между ростом и формой носа (если только она, действительно, существует) остается совершенно невыясненной».

Длина уха составила 66,8 мм, по данным Воробьева – 67,8 мм.

Ширина уха – 38,6 мм, по данным Воробьева – 38,6 мм.

Отношение ширины уха к длине (физиономический указатель уха) – 57,78, по данным Воробьева – 56,93.

Форма ушной мочки. Королев отмечает, что на его материале точная граница между двумя формами приращения мочки проведена не была. Были выделены лишь случаи особенно резко выраженной I формы по Швальбе (соединение со щекой под острым или прямым углом). Он также объяснял, что был склонен несколько уменьшать число случаев приращения мочки, так как менее типичные случаи II формы (соединение со щекой под прямым углом) почти всегда относил к III форме (слабо отделенная мочка). Из 97 мужчин от 21 до 65 лет, у 34 чел. (35%) наблюдалась приросшая мочка в I форме, у 22 чел. (22,7%) приросшая мочка была отмечена в резко выраженной I форме. Воробьев обнаружил у калмыков I форму в 50,9% и вероятность II формы в 5,3%. Ссылаясь на работу Воробьева, Королев пишет, что при сравнении с данными по другим народам (как азиатским, так и европейским) приращение мочки гораздо более распространено среди азиатских, нежели европейских групп. Так, I форма для великорусов-рязанцев составляла 13,7%, французов – 5,5%, немцев – 2%.

Попытки выявить связь между различными признаками показали некоторую зависимость между формой мочки и величиной физиономического указателя уха. Чтобы устранить влияние формы головы, эта зависимость определялась отдельно для брахицефалов (индекс более 80,00) и долихоцефалов (индекс менее 80,00).

	Группы с голов. указателем более 80,00		Группы с голов. указателем менее 80,00	
	Ушная мочка I и II формы	Ушная мочка III формы	Ушная мочка I и II формы	Ушная мочка III формы
Длина уха	67 mm.	65,4 mm.	70 mm.	67,3 mm.
Ширина уха	38,7 mm.	38,7 mm.	39 mm.	38,1 mm.
Физиономический указат.	57,76	59,17	55,71	56,61
Средний рост	1644 mm.	1605 mm.	1670 mm.	1650 mm.

Оказалось, что уши с приращенной мочкой (формы I и II) обладают большими абсолютными размерами, как длины, так и ширины, но меньшим физиономическим указателем, т.е. относительно уже, чем уши другой формы. При этом субъекты, обладающие ушами с приращенной мочкой, как в брахицефальных, так и в долихоцефальных группах, оказались гораздо более высокорослыми, чем обладатели отделенной мочки (III форма). Последний факт привел Королева в замешательство, поскольку противоречил представлению о приращенной мочке как специфически монголоидном признаке. Его тесная связь с высоким ростом, по его мнению, указывает не на монголоидность, а на какое-то постороннее влияние. Королев пишет: «Значение

этого факта едва ли может быть выяснено с помощью только нашего материала». Учитывая связь между формой мочки и ростом, он предполагает, что зависимость между формой мочки и физиономическим указателем уха косвенная и определяющим фактором здесь является рост, увеличение которого, как было показано Воробьевым на великорусах, связано с увеличением абсолютных размеров уха и уменьшением его физиономического указателя.

По всей видимости, статья Королева (1903) является последней дореволюционной антропологической работой посвященной калмыкам, по крайней мере, о других подобных работах этого периода нам ничего не известно. После Гражданской войны и установления Советской власти на территории Калмыкии в 1920 г. антропологические исследования калмыков возобновляются, расширяя спектр своих задач и методов.

Из более поздней работы мы имеем информацию о статье Ивановского (1923), в которой приводятся результаты морфометрии различных этнических групп России. Измерение одних и тех же индивидуумов проводилось Ивановским и сотрудниками через каждые полгода в течение трех лет голодного периода. В числе обследованных было 127 астраханских калмыков (82 мужчины и 45 женщин). Этно-территориальная принадлежность этой группы или хотя бы район исследования нам неизвестны.

	Мужчины		Женщины	
	Рост	Окружность груди в % к росту	Рост	Окружность груди в % к росту
До голода	1632 мм	54,36	1498 мм	—
После голода	1580 мм	51,74	1456 мм	—

На основании данных полученных по разным группам Ивановский пришел к выводу, согласно которому «человеческий организм никогда не находится в состоянии полного равновесия... он достаточно пластичен и изменчив. Под влиянием физических и психических факторов он подвергается значительным изменениям в соответствии с силой и продолжительностью действия этих факторов... Устойчивость антропологических типов является сказкой, в которую долго верили, допуская консервативный характер наследственности и не учитывая или отрицая значительную роль, которую играет среда для изменений организма... В настоящее время факт глубоких и быстрых изменений морфологических признаков человека и животных не может больше подвергаться сомнению».

В 1925 г. состоялось беспрецедентное санитарно-гигиеническое исследование калмыцкого населения. Оно было инициировано калмыцким правительством, после докладов на I и IV Общекалмыцких съездах Советов в 1920 и 1923 гг. заведующего калмыцким областным здравотделом доктора Улюмджи Душана, ставившего вопрос о вымирании калмыцкого народа. Ходатайство калмыцкого правительства было удовлетворено Совнаркомом РСФСР (постановление Совнаркома РСФСР от 2 июня 1925 г.), по поручению которого Наркомздравом РСФСР была организована экспедиция для изучения причин вымирания и вырождения калмыцкого народа. Руководство экспедицией было возложено на Государственный Институт Социальной Гигиены. 22 июня 1925 г. было утверждено 4 направления исследования: 1. демографическое, 2. клиническое и антропометрическое, 3. жилищное, 4. бюджеты питания.

В состав экспедиции, прошедшей в июле-октябре 1925 г., вошли: врачи (П. Ю. Берлин, Е. С. Тимм, Н. Н. Проскурин, Ю. В. Вадковская, С. Н. Рудченко), студентки-антропологи (Д. И. Арон, Л. В. Пушкинская), переводчики (Л. Н. Нормаев, Л. П. Петькиев), студенты-медики (Б. Манщина и Б. Бакаева, М. А. Герт, Л. М. Динабург, А. С. Жилко, Д. П. Микулин, В. Л. Харченко), волонтер

(С. И. Богомолов). Маршрут экспедиции: Астрахань – Икицохуровский улус (Яшкуль (ставка улуса или уездный центр), хотоны Чилгир, Бадманкин (или урочище Итлик) Зүүнгарского аймага) – Манычский улус (Элиста (ставка улуса), хотоны Зоочинер (или урочище Джамтрин Говль), Бодек Бага-Чоносковского аймага, Бага-Чоносровский хурул и Гашун-Булуг) – Больше-Дербетовский улус (хотоны Зун 2-го Ики-Чоносковского аймага, Цевднэкин Цевднэкинського аймага, Кумской хотон Кумского аймага, Башанта (ставка улуса)) – ст. Торговое Сев.-Кавказской ж/д – Астрахань – Яндыко-Мочажный улус (Долбан (ставка улуса), хотоны Бульчин и Образцовый, рыболовные промысла Дальчин и Оранжевый) – Калмыцкий Базар – Астрахань.

Отчет по экспедиции, опубликованный в 1928 г. (Калмыки..., 1928) состоит из трех глав: «Экспедиция по изучению вопроса о вымирании калмыцкого народа 1925-1926 гг.», «Очерк санитарного состояния населения Калмоласти» и «Условия жизни калмыцкого народа». Подробные результаты изложены в двух последних.

«Очерк санитарного состояния» содержит разделы: общая характеристика обследованной группы; демографический очерк; плодовитость калмыцкого народа; физическое развитие астраханских калмыков; антропометрические данные о калмыцких детях; заболеваемость калмыцкого народа; туберкулез.

«Условия жизни калмыцкого народа»: пространство, рельеф, климат и административное деление; некоторые данные об экономике; питание отдельных социально-экономических групп населения в августе-сентябре 1925 г.; жилища; водоснабжение; некоторые черты труда и быта; быт калмыцкого народа с санитарной точки зрения; очерк здравоохранения.

Хотя исследование 1925-1926 гг. является в большей степени медицинским, данные, содержащиеся в нем, имеют ценность и для современной антропологии, в частности для учения о физическом развитии и санитарной конституции человека. В нашем обзоре мы приведем лишь самые общие сведения о физическом развитии. Демографические и медицинские данные мы опустим, ограничившись лишь наиболее интересными выводами и замечаниями.

Физическое развитие характеризовалось на основании трех параметров: длины тела (роста), веса и обхвата груди. Их измерения и фиксация описательных признаков проводились Арон и Пушкинской. Общий объем выборки, формировавшейся из людей старше 20 лет, составлял 612 человек (423 мужчины и 189 женщин). Длина тела, вес и обхват груди указываются для 612 человек.

возраст	Рост, см		Обхват груди, см		Вес, кг	
	n	M	n	M	n	M
мужчины						
20-24	146	162,17	150	84,12	144	58,61
25-25	93	161,90	91	86,45	84	59,43
30-34	49	162,41	50	87,84	44	62,75
35-39	47	61,19	51	88,17	41	61,23
40-49	56	160,05	61	87,92	52	59,65
50 лет и старше	32	163,15	32	89,06	27	60,92
женщины						
20-24	25	154,6	25	80,24	22	55,73
25-29	41	150,34	41	79,09	35	50,45
30-34	44	150,4	43	79,54	35	50,17
35-44	40	149,7	40	79,36	35	50,08
45 лет и старше	39	149,7	39	79,85	31	52,29

n – число наблюдений
M – средняя арифметическая

К сожалению, имеющийся материал не был разбит по этнотерриториальному принципу, хотя такая возможность имелась. Следует отметить, однако, что для характеристики физического развития и санитарной конституции выборка была разбита на социально-экономические группы:

По роду занятий

	Скотоводы	Земледельцы	Рыболовы
	М.	М.	М.
Рост, кг	162,9	162,7	161,6
Вес, см	57,9	58,2	61,4
Обхват груди, см	84,9	85,5	87,3
Грудной показатель	52,1	52,55	54,0
Росто-весовой показатель	35,5	35,8	38,0

По социальному положению

	Батраки и чернорабочие	Самостоятельные хозяева	Ответственные работники и сов. служащие
	М.	М.	М.
Рост, кг	159,62	160,1	162,1
Вес, см	57,92	59,94	58,72
Обхват груди, см	86,26	88,28	84,9
Грудной показатель	54,04	55,12	52,4
Росто-весовой показатель	36,3	37,4	36,3

Исследователями отмечалась незначительная разница между указанными группами в абсолютных средних: колебания роста малы; вес по сравнению со скотоводами больше у рыболовов и земледельцев; та же закономерность и по отношению к обхвату груди. Относительный вес и относительный обхват груди также больше в последних двух группах. Возможными причинами этих закономерностей назывались либо естественный отбор, либо социально-бытовые условия в пережитую эпоху. Однако выделить основную причину исследователи затруднились.

При разбиении по социальному положению наибольшее отношение веса к росту наблюдалось у самостоятельных хозяев, грудной показатель у них наибольший, у батраков он меньше почти на единицу, у советских служащих на 2,6, причем по росту эти группы отличались относительно не сильно (у служащих рост в среднем на 2 см выше чем у батраков и самостоятельных хозяев, почти не отличающихся между собой). Исследователями отмечалось выявление у служащих типа близкого к городскому – менее коренастого и более долихоморфного.

		Жироотложение (оценка по 3-бальной системе), %				Мускулатура (оценка по 3-бальной системе), %			
	n	1	2	3	ср.	1	2	3	ср.
Скотоводы	31	30,53	62,10	7,37	1,78	17,28	57,07	25,65	2,08
Земледельцы	106	49,06	41,51	9,43	1,6	18,87	34,9	46,23	2,27
Рыболовы	118	33,90	50,85	15,25	1,81	17,95	35,9	46,15	2,28
Горожане	35	37,14	54,2	8,57	1,65	25,7	40,0	34,29	2,04

балл 1 – низкая степень описательного признака, балл 3 – высокая.

ср. – взвешенный средний балл

По соматоскопическим признакам наибольшее жиротложение фиксировалось у рыболовов, затем скотоводов, горожан и земледельцев. Наибольшей мускулатурой обладали рыболовы, затем шли земледельцы, скотоводы и горожане. Исследователями отмечается, что эти различия не столь заметны, и гораздо больший интерес представляет распределение других признаков, названных ими аномалиями (О-образная форма ног, плоскостопие, сколиоз). По результатам наблюдений был отмечен большой процент О-образных ног (свыше 76% у скотоводов, 66% у земледельцев, 62% у рыболовов, 56% у горожан). Причину этому авторы видели в способе носить детей (дети висят сбоку матери, обхватывая ее своими ножками) и езде верхом. Плоская стопа преобладала у земледельцев – 40,2% и горожан – 31,4%, значительно реже она встречалась у рыболовов – 19,6% и скотоводов 16%. Сколиозы преобладали у горожан 36,8%, дальше шли земледельцы – 20%, скотоводы – 15,9% и рыболовы – 11,1%.

Замечание авторов, согласно которому «крайняя скудность литературных данных по антропометрии калмыцких женщин и сравнительная малочисленность материала, собранного экспедицией, не позволяет по отношению к ним сделать сопоставления с прочими данными, ни расчленить этот материал по социально-экономическим признакам», указывает на то, что данные по длине тела, весу и обхвату груди с разбиением на социально-экономические группы и соматоскопические данные (оценка развития мускулатуры и жиротложения) приведены ими только для мужчин.

Анализ результатов полученных в отношении взрослого калмыцкого населения привел исследователей к следующим выводам:

Показатели роста, окружности груди и их соотношения у калмыков, полученные экспедицией 1925 г., ниже всех прежних данных (Мечников, 1876; Воробьев, 1903; Королев, 1903; Ивановский, 1923).

С определенными оговорками, полученные результаты дают основания признать факт понижения показателей физического развития.

При группировке по социальным признакам наилучшее физическое развитие обнаруживают самостоятельные владельцы, наихудшее – служащие.

Из аномалий обращает на себя внимание распространенность О-образных ног, высокий процент сколиозов у горожан и плоских стоп у земледельцев.

Обследование детей с 1 до 19 лет охватило 703 чел. (505 мальчиков и 250 девочек). После разбиения данных по половозрастным группам осталось только 420 наблюдений для мальчиков, которые давали более-менее насыщенные возрастные группы от 10 до 19 лет. Остальные половозрастные группы в анализ не вошли, поскольку число наблюдений по ним было недостаточным для статистических методов.

На основании этих данных были высчитаны повозрастные изменения для всех признаков и проведено сравнение с другими этническими группами. Анализ результатов обследования детей показал следующие закономерности:

Ритм (темпы) прироста длины тела, веса и окружности груди калмыцких детей были, в общем, близки обычному представлению о ритме (темпах) роста.

Период полового созревания и связанного с его началом подъема роста начинался и, по-видимому, заканчивался у калмыков раньше, чем у американцев, русских и украинцев.

Отношения окружности грудной клетки к росту и веса к росту в квадрате оставались почти во всех возрастах у калмыцких детей сравнительно высокими (брахиморфность), что связано в первую очередь с их меньшим ростом, который исследователи считают расовой особенностью.

возраст	Рост, см		Вес, кг		Обхват груди, см	
	n	M	n	M	n	M
мальчики						
10	29	123,71	26	26,81	30	63,13
11	21	127,43	20	28,82	31	64,76
12	38	132,68	33	30,80	39	66,28
13	30	136,60	23	33,41	28	67,89
14	52	141,29	51	37,33	53	70,58
15	56	149,80	48	43,55	56	74,86
16	54	153,07	55	47,39	55	76,16
17	43	156,05	34	54,13	43	79,68
18	40	159,23	39	54,30	40	81,15
19	57	160,09	47	54,55	55	81,44
Итого	420		375		420	
Девочки						
10	23	123,4	23	25,43	23	61,7
11	13	130,1	13	32,20	13	66,3
12	19	130,8	16	30,95	19	64,6
13	13	138,3	12	36,55	13	67,5
14	15	138,5	13	38,18	15	68,7
15	12	145,3	11	38,83	12	69,9
16	25	143,6	25	42,95	25	70,0
17	12	150,6	11	47,24	12	72,4
18	14	148,6	13	46,94	14	73,5
19	8	150,7	7	49,08	8	73,4
Итого	154		144		154	

При оценке физического развития путем вычисления процента отклонения признаков от средней (по Мартину) относительно более высокий процент отклонения (названный авторами минус вариант) по всем признакам наблюдался у 10-летних, что объясняется влиянием тяжелых лет, пришедшихся на ранний младенческий возраст этой группы, и у 16-летних, так как это возраст, непосредственно следующий за годом бурного вытягивания.

В общем итоге, морфологический тип калмыцкого ребенка показал признаки потенциально нормального поколения, на которое повлияли тяжелые годы войны и голода.

Демографические сведения, извлеченные исследователями из разных источников, свидетельствовали о медленном росте калмыцкого населения. Из сравнения с некалмыцким населением Астраханской губернии видно, что сельское население Астраханской губернии неуклонно возрастало с 1872 г., киргизское (казахское) возрастало в меньшей степени, но значительно калмыцкого. Рост населения Астраханской губернии обуславливался естественным приростом лишь отчасти, большую роль играла иммиграция. При этом, в то время как на территории Калмыцкой области рост населения был незначителен, вокруг нее происходило бурное увеличение плотности населения. Поулусные данные с 1888 по 1915 гг. свидетельствуют об отсутствии существенных изменений численности с незначительной тенденцией к понижению. Только Эркетеневский, Манычский и Икицохуровский улусы показывают явную тенденцию к росту населения, в то время как остальные улусы дают более или менее выраженную тенденцию к понижению. На этом основании исследователи разделили Калмыцкую область на 2 района: южный – с положительным ростом населения

и остальную территорию с отрицательным ростом. Ими отмечается, что объяснением этого явления могут служить внутренние миграционные процессы.

Данные о соотношении полов отчетливо выделяют события 1920 г.:

годы	Количество женщин на 1000 мужчин
1861	790
1868	751
1897	893
1910	911
1920	1140
1924	970

Меньшее количество женщин объяснялось авторами тем, что большая часть нагрузок по ведению хозяйства приходилось на женскую часть населения. Разбивка данных 1920 г. на возрастные группы показала, что социальные потрясения отразились на мужском населении от 20 до 40 лет. В 1920 г. на эти возраста вопреки общей тенденции приходится значительный перевес женского населения.

В целом темпы роста калмыцкого населения характеризовались как медленные с колеблющимся уровнем. Для сравнения с калмыцким материалом был избрана работа Патканова (1908), который выделял 3 типа роста малых народов Сибири:

отрицательный рост и как следствие уменьшающаяся численность «охотнических племен»; замедленный прирост и колеблющийся уровень населения групп скотоводов и кочевников; положительный прирост групп скотоводов-земледельцев с преимущественно оседлым образом жизни.

В свете данных Патканова (1908) авторами делался вывод, согласно которому динамика роста населения зависит от хозяйственного уклада, и слабый прирост калмыцкого населения не представляет собой расовой особенности, а является отражением общей закономерности для групп подобного хозяйственного уклада.

Для изучения вопроса о причинах малого роста калмыцкого населения было предпринято также более узкое демографическое исследование, которое охватило 472 женщины в возрасте от 15 лет. Оно показало у калмычек более позднее наступление *menses* по сравнению с окружающими их группами. Так, в то время как средний возраст наступления *menses* у русских составлял 15,1, у калмычек он был равен на период до 1916 г. 16,6, после 1916 г. – 16,5, что свидетельствует об укорочении производительного периода. По данным опроса женщин старше 45 лет, деторождение прекращалось в среднем в 41,1 года. Средний возраст вступления в брак для вступивших в брак до 1916 г. – 19,9 года (min – 11 лет, max – 31 год), для вступивших в брак после 1916 – 19,5 лет (min – 15 лет, max – 31 год). Промежуток между вступлением в брак и первой беременностью был невелик. На 1 женщину, закончившую производительный период приходилось в среднем 7 рождений. Несмотря на это «около 2000 чел. (1000 девочек и несколько больше 1000 мальчиков) воспроизводит у калмыков 2249, тогда как для других групп сельского населения РСФСР соответствующие числа выше 3000».

Учитывая поставленную перед экспедицией задачу, специалисты выделили три основные причины для характеристик «вымирание» и «вырождение»: резкое понижение численности, низкое состояние санитарной культуры, относительно повышенная заболеваемость тяжелыми формами болезней. В сводке выводов обследования говорится о том, что в демографическом отношении калмыцкое население не вымирает, а в течение ряда лет не об-

наруживает достаточного прироста, а в отдельные неблагоприятные в экономическом отношении периоды дает временное уменьшение своей численности. В качестве одной из причин недостаточно интенсивного прироста называлось неудовлетворительное положение женщины. Физическое развитие калмыков не дало оснований отнести их к категории утративших жизнеспособность или выродившихся в биологическом смысле. Сохраняя типичные черты брахиморфного строения свойственного данной этнической группе, калмыки (взрослые и дети) обнаружили признаки ослабленности, обусловленные рядом социальных факторов. Характер заболеваний по данным экспедиции показал значительную подверженность инфекционным, острым и хроническим заболеваниям, в числе которых называются паразитарные тифы, малярия, трахома, сифилис, туберкулез. Сифилис, как и трахома имели семейно-гнездный характер и распространялись преимущественно внеполовым путем. Иммунность к туберкулезу, дававшему у части населения бурно протекающие формы, была незначительна. В числе основных причин заболеваний назывались переход на оседлый образ жизни, при котором жилища и быт зачастую способствуют развитию заболеваний, контакты с городским и промысловым населением, отсутствие медицинских знаний и профилактики заболеваний. Энергетическая ценность питания, в общем, отвечала физиологическим требованиям, однако разнообразие его было подчинено социально-экономическим и профессиональным факторам. В рыболовных районах отмечалось невероятное однообразие пищи.

Обширное санитарно-гигиеническое исследование, имевшее медицинские, экономические и социальные аспекты не имело аналогов ни до 1925 г., ни после него. По результатам экспедиции был предложен целый ряд мер социально-экономического, медицинского и научно-исследовательского характера по оздоровлению условий жизни и мониторингу здоровья калмыцкого населения. Реализация части этих мер стала, по всей видимости, одной из ступеней образования сети медицинских учреждений современной Калмыкии.

Продолжая наш обзор, следует упомянуть о статье Лысенкова (1933), указания на которую имеются в более поздних работах. В ней описан краниологический материал, хранившийся на кафедре нормальной анатомии Одесского медицинского института. К сожалению, мы не обнаружили указанную статью ни в библиотеке кафедры антропологии, ни в библиотеке НИИ и Музея антропологии при МГУ им. М. В. Ломоносова и поэтому ее результаты не фигурируют в нашем обзоре. Впрочем, следует отметить, что в распоряжении Лысенкова была лишь очень небольшая краниологическая серия, состоящая из 5 мужских черепов (Левин, Трофимова, 1937, с. 73).

Летом 1933 г. в Западном улусе (районе) Калмыцкой автономной области побывала исследовательская группа НИИ антропологии МГУ, в состав которой входили Н. Н. Чебоксаров (руководитель), Т. А. Трофимова и М. Я. Орлов. Ими были обследованы Абганеровский, Бүдөрмес-Күбетовский, Будульчинеровский, I и II Ики-Чоносовские, Сладковский и Цоросовский сельсоветы. Посещены хотоны (поселения): Башанта, Абганеров, Кумский, Дон-Уральский, Кердата, Зүүнгар, Цевднэкин, Теганур, Му, Шарнут-Ханут, Тихон, Зун, Сладкий, Амур-Санановский, Цоросовский, Бембедэкинский, Бичкин. Обследовались калмыки, как взрослые мужчины и женщины, так и дети обоих полов с трехлетнего возраста. В опубликованных результатах (Чебоксаров, 1935) были использованы исключительно сведения о взрослых мужчинах 20-55 лет.

Чебоксаровым отмечалась неоднородность западных калмыков. Большую их часть составляли калмыки Больше-Дербетовского улуса. Остальные принадлежали к недавним пе-

реселенцам: выходцам из Донской области, с Северного Кавказа (с берегов Терека и Кумы), с Южного Урала, из бывшей Оренбургской губернии, появившимся здесь после образования Калмыцкой автономной области в 1922-1924 гг.

Учитывая это, данные по кавказской (29 чел.) и уральской (20 чел.) группам были использованы лишь в качестве сравнительных, без включения в суммарную характеристику населения Западного улуса. Формируя выборку для характеристики западных калмыков (225 чел.) Чебоксаров включил в нее переселенцев с Дона, так как считал их дөрведами, что верно лишь отчасти, поскольку часть донских калмыков составляли торгууды.

Основной материал был разбит на три территориальные подгруппы: Центральную (Ц), Чоносовскую (Ч) и Донскую (Д). Первая включила уроженцев Абганеровского, Бүдермес-Күбетовского, Цоросовского и Сладковского сельсоветов, расположенных вокруг районного центра Башанты (преимущественно потомки Абганерова, Абганер-Гаханкина, Цоросова, Күбетова и Бүдермесова родов, всего 86 чел.). Вторая – жителей обоих Икичносовских и Будульчинеровского сельсоветов (потомки Икичносова и Будульчинерова родов, всего 78 чел.), третья – выходцев с Дона (аймачная и родовая принадлежность не указывается, всего 61 чел.).

Возрастной состав	Ч	Ц	Д	Сумма
х-25	32,0	35,6	39,4	35,4
26-39	33,3	41,7	37,7	37,7
40-х	34,7	22,7	22,9	26,9
N	78	86	61	225
M	35,40	31,38	32,34	32,94

Опуская большую часть конкретных результатов, приведем краткую суммарную и групповую характеристику западных калмыков.

Рост западных калмыков – ниже среднего. Внутрирайонные колебания его незначительны: только в центральных сельсоветах быть может намечается тенденция к увеличению.

Группы	N	M
Ч	75	161,6
Ц	73	162,4
Д	56	161,8
Сумма	204	161,9

Цвет волос обследованной группы – темный. Преобладают иссиня- и коричнево-черные оттенки (№№ 27 и 4 по шкале Фишера); в виде редчайшего исключения встречаются темнорусые; более светлые отсутствуют совсем. Межгрупповая вариация ничтожна.

Окраска глаз не столь однородна. При общем преобладании карих оттенков процент смешанной пигментации радужины довольно ощутим, особенно в чоносовской подгруппе.

Форма волос большей частью прямая; значительно реже широковолнистая; узковолнистая попадает в виде исключения. Процент мягких волос вдвое превышает процент тугих. Максимальное количество волнистых и мягких форм сосредотачивается в центральной подгруппе.

Рост бороды в общем ниже среднего. В большинстве случаев борода или совсем отсутствует или представлена редкими волосками на подбородке. Однако число лиц со средне- или даже несколько выше среднего развитой растительностью на лице также относительно

велико. Территориальная изменчивость признака сказывается в его усилении в центральных сельсоветах, где заметно снижается процент субъектов со слабым ростом бороды (баллы 1-2) и увеличивается – с умеренным.

Брови чаще всего средне развитые, дугообразные. В центральной подгруппе количество лиц, обладающих значительным ростом бровей, на 5-6% больше, чем в двух остальных.

Мозговой череп западных калмыков – среднелиннй, умеренно широкий, средней высоты. По головному указателю суммарно Чебоксаров относит их к суббрахицефалам, на границе с мезоцефалией, по высотно-продольному указателю — к гипсикефалам. Межгрупповая изменчивость горизонтальных диаметров головы выражена отчетливо: наиболее длинно и узкоголовой оказывается центральная подгруппа, наиболее коротко- и широкоголовой – донская; чоносовская по обоим признакам занимает промежуточное положение. В ряду других калмыцких серий западная, рассматриваемая суммарно, является одной из самых долихоцефальных. По убыванию головного указателя Чебоксаров выстраивает последовательность: торгоуты Ивановского (1893) -> кульджинские калмыки Мацевского и Пояркова (1883) (этно-территориальная принадлежность не указана, но вероятнее всего торгоуты – Х.С.) -> приволжские калмыки Воробьева (1903) (этно-территориальная принадлежность не указана) -> аналогичная группа Королева (1903) (этно-территориальная принадлежность не указана) -> данная серия западных калмыков (ики дөрвөды и бузава). Кроме этого Чебоксаров отмечает, что очень близкую к его средней головного индекса получил Кольманн (Kollmann, 1884), обследовавший группу (правда, очень малочисленную) бага дөрвөдов.

Средняя наименьшего **лобного диаметра** западных калмыков составила 108,9 мм: она была минимальна в чоносовской подгруппе, максимальна в донской.

Наклон лба большинства субъектов слабый или средний; относительно велик и процент сильно наклонных форм, особенно в центральных сельсоветах.

Развитие надбровья суммарно ниже среднего. Центральная и донская подгруппы по этому признаку отличались мало: чоносовская характеризовалась заметным его ослаблением.

Господствующие **формы лица** – овальные (42%) и пятиугольные (35%). Максимальное количество овальных форм было сосредоточено в центральной, минимальное – в донской подгруппе.

Горизонтальная профилировка лица в целом слабая: резко преобладали уплощенные лица, суженные спереди не встречались. Межгрупповое распределение очень неравномерное: в Чоносах среднепрофилированных лиц почти нет, в центральных сельсоветах количество их доходило до 26%.

Метрически лицо западных калмыков длинное и довольно широкое. Развитие в **высоту** (физиономическое и морфологическое) дало максимум в чоносовской, минимум в донской подгруппах. **Скуловой и нижнечелюстной диаметры** наименьшие в центральных сельсоветах; в Чоносах и у донских уроженцев они были почти одинаковы. По обоим лицевым указателям донская подгруппа, как относительно **хамепрозопная**, противопоставляется обоим другим, характеризующимся весьма близкими средними. В сравнении с другими калмыцкими сериями данная признавалась Чебоксаровым наиболее узкоскулой и лептопрозопной.

Наружно- и внутреннеглазничные диаметры признаны значительными.

Расодиагностические особенности глазной области весьма характерны. **Складка верхнего века** развита очень сильно, особенно в медиальной и дистальной частях. Процент субъек-

тов, совершенно лишенных складки был невелик (4%), процент лиц со складкой полностью закрывающей край века – значителен (около 39% для медиального и дистального отрезков, около 17% – для проксимального). **Эпикантус** встречался примерно у половины обследованных, достигая в 12% случаев среднего или сильного развития. Межгрупповая изменчивость описываемых признаков была выражена вполне отчетливо. Центральная подгруппа показывала заметное ослабление монголоидных особенностей глаза по сравнению с обеими другими.

Нос западных калмыков в измерительном отношении характеризовался большим нособровным расстоянием (11,5 мм). Обстоятельство это приводит к тому, что, будучи узким, нос по своей длине велик при измерении от нижнего края бровей и скорее короток при измерении от переносья. Соответственно по I носовому указателю калмыки относились к мезоринам, по II – скорее к лепторинам. Межгрупповая вариация метрических признаков носа шла главным образом по линии высотных размеров. Относительно лепторинной была центральная подгруппа, относительно хамэринной – донская. Чебоксаров отмечает, что разница в индексах, достигающая 3 единиц, математически относится к числу вполне достоверных.

Описательные признаки носа:

Высота переносья в большинстве случаев средняя; количество высоких переносий несколько превышало количество низких (суммарный $M=2,08$). В центральной подгруппе процент высоких форм резко повышался, вследствие чего средний балл доходил здесь до 2,18.

Поперечный профиль спинки носа в своих вариациях полностью следовал за переносьем. Суммарно он был несколько выше среднего, в центральных сельсоветах дал максимум выдающихся форм.

Костная часть спинки носа большей частью прямая или выпуклая. Межгрупповые вариации ничтожны.

Хрящевая часть спинки обычно прямая, вогнута в 25%, выпукла в 15% случаев. Отмечалась микрорайонная неоднородность в распределении: увеличение выпуклых и уменьшение вогнутых форм в центральной подгруппе.

Общий профиль спинки обнаружил значительную гетерогенность: на прямые спинки пришлось менее половины всех случаев, количество выпуклых и извилистых типов было очень велико (23%), количество вогнутых также не могло быть признано слишком низким (10%). Особенно неоднородной здесь оказалась центральная подгруппа, которая содержала максимумы как выпуклых, так и вогнутых форм.

Кончик носа отличался крайним разнообразием своего положения: в двух пятых всех случаев он был опущен; в трети случаев — приподнят. Центральная подгруппа характеризовалась значительным преобладанием опущенных типов, донская — приподнятых.

Изменчивость положения **основания носа** в общем следовала тем же закономерностям. Количество приподнятых форм впрочем в этом случае больше, чем опущенных (суммарный $M = 1,94$). Для чоносовской и донской подгрупп средний балл был ниже двух, для центральной – немного выше.

Высота крыльев носа невелика: низкие типы охватывали почти половину всех случаев, высокие только одну двадцатую. Особенно много низких крыльев встречалось среди субъектов, обследованных в Чоносах.

Крыльевые борозды были развиты средне или даже значительно (особенно в донской подгруппе). Их **слияние с носогубными бороздами** в подавляющем большинстве случаев

сводилось к соединению, отсутствие соприкосновения встречалось в 16%, образование одной линии – очень редко.

Господствующая **форма ноздрей** – овальная, треугольные ноздри все же не составляли исключения (свыше 25%), округлые попадались редко. Значительная межгрупповая изменчивость, сказывалась в большем проценте овальных форм в центральной подгруппе по сравнению с двумя остальными (разница в 32%).

Наклон осей носовых отверстий суммарно выше среднего, хотя количество обоих крайних вариантов (баллы 1 и 3) вообще незначительно. Резкое увеличение количества сильно наклонных форм и соответственно повышение среднего балла дала центральная подгруппа.

Морфологический тип носа в целом, таким образом, характеризовался сочетанием средних переносья и поперечного профиля с прямой или выпуклой костной, прямой или вогнутой хрящевой спинкой, разнообразными положениями кончика и основания, средним наклоном ноздрей, овальной (или реже треугольной) их формой, низкими крыльями и хорошо выраженными крыльевыми бороздами, большей частью соединяющимися с носогубными. Тип носа центральной подгруппы по большинству решающих расодиагностических признаков обнаруживал определенный сдвиг в сторону преобладания морфологически более выявленных вариантов (выше переносье, наклоннее ноздри, больше овальных форм и т. д.).

В строении **ротовой области** западных калмыков также наблюдался ряд особенностей имеющих существенное расодиагностическое значение.

Верхняя губа довольно высока как по измерительным, так и по описательным данным. В центральной подгруппе она была значительно ниже, чем в двух других.

Профиль верхней губы характеризовался в целом сильным преобладанием прохейлических форм при ничтожном проценте опистохейлических. В донской подгруппе прохейлия была выражена наиболее сильно, в центральной – наиболее слабо; чоносовская – в данном отношении близка к центральной.

Толщина губ суммарно выше среднего. Верхняя губа, как обычно, тоньше нижней: для первой было характерно преобладание тонких и средних форм, для второй – средних и толстых, при не столь уж редких вздутых. Микрорайонная вариация толщины губ признака значительной, находя свое выражение в понижении толщины в чоносовской подгруппе, что несомненно связано с ее более взрослым возрастным составом. Средний губной указатель обследованной группы был равен 36.

Ширина рта в общем невелика особенно в сравнении с торгоутами Ивановского, рот которых по-видимому на 37 мм шире, чем у западных калмыков. Чебоксаров предполагает что, по крайней мере, частично разница здесь идет за счет неодинаковости методик измерения.

Развитие **фильтра** обычно среднее, иногда слабое, значительное в виде исключения. В центральной подгруппе количество лиц со среднеразвитыми фильтрами было примерно на 20% больше, чем в чоносовской или донской.

Преобладающие **формы прикуса** – лобидонтия и псалидонтия. Отмечался значительный процент стегодонтных прогеничных и хиатодонтных форм.

Ухо длинное и довольно узкое. Ушной указатель невысок. Форма уха в Западном улусе Калмыцкой области разнообразна. Примерно в одинаковом количестве встречались яйцевидные и эллиптические уши, гораздо реже грушевидные и овальные; остальные формы составляли исключение. Завернутость завитка значительно выше среднего, особенно в донской подгруппе. Развитие противозавитка так же велико, с максимумом в том же микро-

районе. Оттопыренность уха в трех четвертых всех случаев средняя; сильно оттопыренные уши встречались значительно чаще слабо оттопыренных. Форма мочки в 50% прямая. Отвислые мочки наблюдались гораздо чаще треугольных, особенно в центральной подгруппе, где их относительное количество было близко к проценту прямых.

Чебоксаров пишет, что такие признаки как слабое развитие растительности на лице, преобладание прямых, частью тугих волос, сильно выраженные складка верхнего века и эпикантус, высокая и прохейличная верхняя губа, значительная скуловая ширина и высота лица и т.д., позволяют безошибочно включить западных калмыков в круг монголоидных форм в пределах рас первого порядка. Он отмечает, что при сопоставлении суммарных и групповых показателей основных расодиагностических признаков первого порядка с их вариациями у трех монголоидных типов Северной Азии, описанных А.И. Ярхо (Ярхо, Алтае-саянские турки; Ярхо, 1929; Ярхо, 1935b), по ряду решающих признаков западные калмыки полностью укладываются в рассматриваемые амплитуды, а по некоторым данным (например, по проценту сильно развитых складок верхнего века) оказываются даже «монголоиднее» всех групп Ярхо. Анализ распределения суммарных расовых типов свидетельствует о том, что около 90% всех обследованных были отмечены как «чистые монголоиды». Однако более высокое, чем в сериях Ярхо переносе и наклон носовых отверстий ставят вопрос о наличии у западных калмыков европеоидного расового компонента, тем более что у 10% обследованных еще в поле была отмечена возможность «европеоидной примеси».

Комплексы признаков		Ч	Ц	Д	S
Первого порядка	Монголоидный «чистый»	93,3	82,3	95,0	89,6
	«С европеоидными чертами»	6,7	17,6	5,0	10,4
Второго порядка	Южносибирский	34,6	42,3	28,3	35,9
	Центральноазиатский	5,3	7,1	18,3	9,5
	Монголоидный неопределенный	53,4	33,0	48,4	44,2
	«Со средиземноморскими чертами»	6,7	17,6	5,0	10,4
N		75	85	60	220

Анализ межгрупповой изменчивости основных расовых признаков первого порядка целиком подтверждает это. В центральных сельсоветах в сравнении с Чоносами и уроженцами Днобласти волосы были извилистей и мягче, борода развита сильнее, горизонтальная профилировка больше, процент овальных лиц выше, скуловой и нижнечелюстной диаметры меньше, процент отсутствия складки верхнего века больше, процент присутствия эпикантуса меньше, переносе и поперечный профиль спинки носа выше, количество овальных ноздрей больше, наклон их осей значительней, верхняя губа ниже и ортохейличней. По всем этим признакам калмыки центральной подгруппы отличались от своих соплеменников из Чоносов и с Дона в европеоидном направлении. Таким образом, при общей монголоидной основе западные калмыки не являлись вполне однородными в отношении рас первого порядка, так как в их составе присутствовал европеоидный компонент, наиболее сильно выраженный в центральных сельсоветах, гораздо слабее в Чоносах и у уроженцев Донской области.

Анализируя участие в сложении западных калмыков различных монголоидных вариантов в пределах рас второго порядка Чебоксаров пришел к выводу, что роль долихо- и мезокефальных монголоидных типов по-видимому равна нулю или настолько невелика, что не улавливается анализом. У западных калмыков не были встречены ни «палеосибирс-

кий» (или североазиатский – массивный, широколицый, с очень покатым лбом и выраженным надбровьем, наиболее отчетлив у прибайкальских тунгусов (Рогинский, 1934)), ни «урало-алтайский» (с более сглаженным костным рельефом, относительно узколицый, с менее покатым лбом и менее развитым надбровьем, связан с уменьшением лицевых размеров (особенно широтных) и большим количеством вогнутых спинок носа, приподнятых кончиков и оснований, распространен на Алтае у шорцев, кумандинцев и лебединцев (Ярхо, Алтае-саянские турки), у остяков и вогулов (Руденко, 1914; Силинич, 1916)) комплексы признаков, хотя их наличие можно было предполагать.

Что касается суббрахи- и брахикефальных монголоидных вариантов, то в процессе обследования были отмечены южносибирский и центральноазиатский типы, первый в гораздо большем количестве, чем второй. Направление различий между ними оказалось вполне закономерным по всем ведущим признакам, целиком совпадающим с наблюдаемым при переходе от алтайских казахов к тувинцам. Но при этом по росту бороды, высоте переносья, наклону осей носовых отверстий, профилю верхней губы калмыки Западного улуса резко отличались от тувинцев и стояли гораздо ближе к казахам, обнаруживая еще большие отклонения от центральноазиатского комплекса, чем последние. Однако по размерам головных диаметров, по широтным размерам лица, горизонтальной профилировке, развитию складки верхнего века и эпикантуса они оказались мало отличающимися от тувинцев, реализуя по данным признакам характерные «саянские» черты. Лишь в отношении немногих признаков (наклон лба, надбровье, высота верхней губы) западные калмыки занимали место между «стандартными» группами Ярхо.

Отнюдь не промежуточное положение калмыков между южносибирским и центральноазиатским типами по ряду существенных особенностей и наличие некоторых специфических комбинаций признаков (плоское лицо, сильные эпикантус и складка верхнего века при сравнительно высоком переносье, значительном наклоне ноздрей, умеренном росте бороды) привели Чебоксарова к мысли о том, что простая метисация двух монголоидных типов плюс европеоидное влияние не могут объяснить историю формирования облика западных калмыков.

Любопытно отметить, что уральские калмыки обнаружили тенденцию к брахикефалии, наклонный лоб, развитое надбровье, более профилированное, чем у западных калмыков, лицо, выпуклую спинку носа, опущенные кончик и основание, очень высокую верхнюю губу, т.е. ряд особенностей, характерных для южносибирской расы. Чебоксаров не исключал их метисации с западными казахами, однако кроме этого предлагал в качестве объяснения и внутреннеэволютивное происхождение особенностей свойственных южносибирскому и центральноазиатскому типам в процессе становления расового типа калмыцкого народа.

Выделяя европеоидные комплексы признаков, он отмечал в центральных сельсоветах ясную тенденцию к долихокефалии, идущую главным образом за счет сокращения поперечного диаметра. Им были зафиксированы также заметные сдвиги в сторону высокорослости, лепторинии и большей выявленности таких описательных особенностей носа, как выпуклость спинки, опущенность кончика и основания. Теми же самыми чертами отличается от монголоидных комплексов и выделенный им в поле европеоидный элемент: наиболее узкоголовый, долихокефальный, с овальным лицом, высоким переносьем, выпуклой костной и хрящевой спинкой носа, опущенными кончиком и основанием, относительно невысокой, более ортохейличной, чем у «чистых» монголоидов, верхней губой. По пиг-

ментации этот европеоидный комплекс является в общем темным, обнаруживая по сравнению с монголоидами некоторое посветление лишь в отношении цвета глаз. На основании некоторых особенностей выделившегося европеоидного комплекса (легкой тенденции к депигментации глаз, к высокорослости (в сравнении с монголоидными Д и Ч подгруппами), к выпуклости спинки носа, опущенности кончика и основания) Чебоксаров отнес его к формам описанным В.В. Бунаком (Bunak, 1932) как «восточная ветвь» средиземноморцев и Е. Фишером (Fischer, 1923), как «ориентальная» раса. От «классических» южноевропейских средиземноморцев «иборо-островного» типа Деникера (Deniker, 1898) данный круг форм отличается меньшей склонностью к курчавоволосости, большей – к депигментации, некоторой «арменоидностью» в строении мягких частей лица, высокорослостью и абсолютно большими лицевыми размерами.

У западных калмыков Чебоксаров предполагал наличие двух вариантов этого восточно-средиземноморского комплекса. Один – мезокефальный (78-79), относительно широколицый (142, 143), с выпуклой спинкой носа, опущенными кончиком и основанием, хорошо выражен у западных черкесов (Левин, 1932). По ряду особенностей в строении лицевого скелета, носа и губ он связывается с настоящими арменоидами. Другой вариант — очень длинноголовый (головной указатель 74-75), узколицый (135-137 мм), с меньшей «арменоидностью» лицевых особенностей. По-видимому широко распространен в южном Средиземноморье, юго-западной и Средней Азии, разные его модификации преобладали у риффов Куна (Сооп, 1931), курдов-иезидов и туркмен-йомудов (Ярхо, 1933), нахичеванских тюрок (Ансеров, 1934), сикхов (Eickstedt, 1920). По лицевым признакам элемент этот сближается с памиро-ферганским брахикранным типом.

Суммарная характеристика 30 кавказских (терских и кумских) калмыков, показала, что они являются наиболее европеоидными из всех калмыцких групп, включая и население центральных сельсоветов. Количество волнистых и мягких волос у них было выше, чем в любой из подгрупп Западного района, рост бороды интенсивнее, процент овальных лиц больше, горизонтальная профилировка лица выражена резче, переносье и поперечный профиль спинки носа выше, количество овальных и сильно наклонных ноздрей больше, развитие складки верхнего века и эпикантуса слабее, верхняя губа гораздо ниже и ортохейличней. Отчетливо выражен «кавказский» комплекс признаков: значительная скуловая ширина, высокий процент выпуклых спинок носа, его опущенных кончиков и оснований. При этом никакой тенденции к долихокефалии и уменьшению поперечного диаметра не наблюдалось; напротив, выступала ясная связь европеоидности с брахикефалией, что указывало на присутствие среди кавказских калмыков какого-то брахикефального европеоидного комплекса. Эта комбинация признаков принадлежит антропологическому типу, отличающемуся от «западнокавказского» главным образом иной формой сочетания горизонтальных диаметров головы и лицевых размеров. Данный тип господствует у восточных черкесов-бесленеевцев, кабардинцев (Левин, 1932), чеченцев, ингушей, авар и кумыков (Дебец, Неопубликованные материалы...). Ярхо (1932, 1935а) он был обозначен как «северовосточный» или «собственно» кавказский. Присутствие этого элемента, по-видимому составляющего основной европеоидный компонент кавказских калмыков, Чебоксаров, принимая во внимание тесную связь всегда существовавшую между отдельными частями калмыцкого народа и окружающим населением, вполне допускал и у калмыков Западного улуса.

Таким образом, он выделял у калмыков два варианта европеоидного комплекса, в об-

шем однородных по пигментации и лицевым особенностям, и различных по сочетанию горизонтальных осей головы: мезокефальный — «западнокавказский» и брахицефальный — «восточнокавказский». У уроженцев Западного улуса первый вариант являлся основным (из европеоидных), второй — только возможен. У кавказских калмыков, наоборот, последний был выражен наиболее ясно.

В 1937 г. было опубликовано исследование серии калмыцких черепов, хранящихся в Антропологическом музее МГУ (Левин, Трофимова, 1937). Изученная серия была составлена из черепов попавших в музей в разное время и из разных мест. Часть их была доставлена профессором Лесгафом с калмыцкого кладбища у Астрахани (черепы №№ 1817-1827), Хошоутовского улуса (№№ 1828-1829) и Замьяновской станицы (№№ 1830-1838) — 8 мужских и 3 женских; проф. Вальтером (№№ 1763-1787) и другими (№№ 1788-1790) — 14 мужских и 6 женских. Эти черепа уже были описаны Ивановским (1893) и Райхером (Reicher, 1913). Другая, большая часть (№№ 7391-7418, 7430-7435) — 21 мужской и 9 женских, была доставлена в музей в 1925 г. сотрудниками калмыцкой экспедиции Государственного института социальной гигиены Д.И. Арон и Л.В. Пушкинской и происходит с калмыцкого кладбища возле урочища Бодек в Манычском улусе (Калмыки..., 1928, стр. 312-313). Эти черепа подверглись обработке впервые. Общий объем исследованной выборки составил 61 череп, из которых 43 было мужских, 18 — женских. Измерения и определение описательных признаков проводились согласно методике Мартина, пол был определен краниоскопически.

Средний тип исследованной серии по мозговому отделу характеризовался авторами как брахикранный (на границе с мезо), со средним продольным и сравнительно большим поперечным диаметрами, невысокий. Лицо высокое и широкое по абсолютным размерам, по указателю «мезен», ортогнатное, нос по указателю средний (при абсолютно большой высоте), слабовыступающий, глазницы высокие, лоб средненаклонный, лобно-поперечный указатель низкий. Надбровье слабо развито, *fossa canina* и *spina spinalis* выражены слабо. В строении нижнего края носового отверстия характерен очень высокий процент *fossae praenoses* (31 из 52). Высокое и широкое лицо, со слабо развитыми *fossa canina* и *spina nasalis*, высокие глазницы, слабо выступающий нос, низкий лобно-поперечный указатель, характеризовали серию как типично монголоидную. Индивидуальный анализ позволил выделить в серии 7 мужских черепов (№№ 7407, 7392, 1765, 1778, 1817, 1818, 1823) с европеоидными чертами. Сравнение данных по мужским черепам, условно разделенным на «европеоидные» и «монголоидные» показало, что средние по таким признакам как величина скулового диаметра, высота лица, высота орбиты и соответственно орбитный указатель, угол носа, развитие *fossae caninae*, *spinae nasalis* различаются. При этом различия между «европеоидной» и «монголоидной» группами идут в том же направлении, как различия между типичными европеоидами и монголоидами. Таким образом, констатировалось, что наряду с основным монголоидным компонентом в серии в небольшом количестве присутствует и европеоидный.

Европеоидный компонент характеризовался как умеренно длинноголовый, со значительно большим продольным и меньшим поперечным диаметрами, большим высотным диаметром, более низкими глазницами, сильнее развитым надбровьем. Левин и Трофимова соглашались с выводом Чебоксарова о наличии у калмыков западнокавказского мезокефального типа («понтитской расы» Бунака (Bunak, 1932)), отмечая при этом, что просмотренная ими серия торгоутских черепов, обработанная в свое время Райхером (Reicher, 1913), не обнаруживает никаких европеоидных черт, что свидетельствует о «об отсутствии

европеоидных элементов среди центральноазиатских переселенцев в Поволжье XVII-XVIII вв.». Исходя из этого, проникновение европеоидных элементов относится ими к последующему периоду. Среди носителей умеренно длинноголовых европеоидных типов они называют ногайцев, западных черкесов и возможно северокавказских туркмен.

Преобладающий монголоидный компонент серии был отнесен к центральноазиатскому типу. По суммарным средним серия оказалась близка кемчикским тувинцам (Ярхо, 1929). Некоторые признаки, а именно более наклонный лоб, более высокие орбиты и несколько сильнее выступающий и более узкий нос отличают калмыков от тувинцев и сближают ее с кудинскими бурятами. Авторы отмечают, что указанные признаки (за исключением большего выступления носа) не могут быть объяснены влиянием европеоидной примеси, так как идут в обратном направлении. Сильно наклонный лоб и значительно выступающий нос характеризуют южносибирский тип, например, казахов (Дебец, 1929; Ярхо, 1930), но эти признаки сочетаются у южносибирского типа с резкой брахикранией и абсолютно очень крупными размерами черепа. Сильным наклоном лба характеризуется также другой монголоидный компонент, выделенный Рогинским у тунгусов Прибайкалья, обладающий в противоположность южносибирскому типу резкой долихокранией и плоским носом. Отрицать у калмыков как тот, так и другой компонент нельзя, но анализ средних не дал решения для этого вопроса. Индивидуальная оценка позволила выделить четыре длинноголовых черепа (№№ 1832, 7395, 7397, 7406), резко отличающихся от других, но в тоже время очень сходных между собой. Они были охарактеризованы как длинноголовые с очень, высоким и широким лицом, с сильно наклонным лбом при среднем для монголоидных групп выступании носа. Эти длинноголовые черепа были отнесены авторами к палеосибирской расе описанной Рогинским (1934) в двух вариантах байкальском (тунгусы Прибайкалья, шорцы) и уральском (остяки и вогулы). Отмечалось, что они сближаются с тунгусами по абсолютным размерам черепа, очень высокому и широкому лицу и сильно наклонному лбу; с вогулами — по более низким глазницам, сильнее выступающему носу (что может быть и следствием европеоидной примеси) и по большинству относительных размеров черепа. Также отмечалось, что вогулы отличаются менее крупным черепом и более низким лицом (Дебец, 1932) как от тунгусов, так и от условно названного «палеосибирским» типа у калмыков.

Таким образом, в монголоидном компоненте было выделено два типа – центральноазиатский и палеосибирский в широком смысле слова. Южносибирский тип в изученной серии зафиксирован не был. Данный факт расходится с данными Чебоксарова, выделившего у калмыков южносибирский тип и не отметившего среди них палеосибирского. Авторы объясняют это тем, что Чебоксаров проводил исследования в Западном улусе Калмыкии, в то время как их материалы относятся центральным районам.

По всей видимости, это было последнее предвоенное антропологическое исследование калмыков. В 1943 г., в то время как подавляющее большинство мужчин воевало на различных фронтах, калмыки, в основном женщины, старики и дети, по необоснованному обвинению в пособничестве оккупантам, были депортированы с территорий проживания, в результате чего значительная их часть погибла. Республика была ликвидирована, а столица – г. Элиста переименована в г. Степной. Само слово «калмыки» было вычеркнуто из официальной истории. Помимо переименования населенных пунктов с калмыцкими названиями, переименовывалось все, что несло само слово калмык. Так калмыцкая порода скота была переименована в астраханскую, а статья «Калмыки» была изъята из БСЭ. Естественно, что в таких условиях,

ни о каких исследованиях не могло идти речи. Они стали возможны только после возвращения большинства выживших во вновь образованную республику в 1958 г.

Характеризуя антропологические работы первой половины XX в., объектом которых становились калмыки, мы можем констатировать их постепенное качественное изменение по сравнению с аналогичными работами XVIII-XIX вв. По всей видимости, это было общей тенденцией для антропологических работ в целом. Совершенствовались и унифицировались методики, увеличивались выборки, расширялись задачи. Помимо чисто расоведческого анализа стали освещаться различные аспекты физического развития, появились работы на стыке с медициной. Развитие антропологии в целом привело к пониманию того, что данные о морфологических особенностях той или иной группы помимо целей исключительно классификации могут давать информацию об этногенезе. И наоборот, информация об истории сложения групп может давать ключи к пониманию развития комплексов морфологических признаков. Описывая облик западных калмыков, Чебоксаров (1935, с. 49) совершенно справедливо отмечал, что «конечная цель расового анализа обследованной группы должна состоять не в констатировании ее принадлежности к тому или иному антропологическому типу (или типам), но во вскрытии факторов и направлений ее расогенеза в их стадильном – пространственном и временном – действии», при этом «даже оставаясь в рамках чисто антропологических задач, мы приходим к необходимости выяснения ряда исторических, главным образом этногонических моментов».

Напомним, что на современном этапе развития науки, этногенез той или иной группы может и должен рассматриваться посредством комплексного подхода, с привлечением данных из истории, археологии, этнографии, антропологии, а также других областей знания. Однако на данный момент комплексный подход в подавляющем большинстве случаев является исключением, а не правилом. Что же касается антропологии, то исследователями придается ей очень малое значение, гораздо меньшее, чем любой другой из вышеупомянутых дисциплин (Хойт, 2008а, с. 220).

Следует заметить, что информация об истории сложения групп европейских ойрат (калмыков), которую мы можем получить из работ антропологов первой половины XX в., по сравнению с трудами предыдущего периода, значительно конкретизировалась.

Как и прежде, во всех работах первой половины XX в. констатировалась несомненная монголоидность калмыков. Однако в отличие от большинства работ предыдущего периода были описаны конкретные антропологические типы (или расы второго порядка), кроме этого были даны попытки описания зафиксированных у калмыков немонголоидных компонентов, также вплоть до рас второго порядка. Анализируя полученные данные, Чебоксаров (1935, с. 49) пришел к выводу, согласно которому «Старое мнение Деникера о том, что «калмыки являются наиболее чистыми представителями монгольского типа» (Deniker, 1883; 1884) должно быть ... в значительной степени пересмотрено».

Королев (1903) и Воробьев (1903), сравнивавшие обследованных ими калмыков с тарбагатайскими торгоутами (Ивановский, 1893) отмечали различия двух частей единого некогда народа. Воробьев (1903) писал о большем по сравнению с тарбагатайскими торгоутами росте, несколько меньшей величине горизонтальной окружности головы, меньшей величине головного индекса (т.е. несколько меньшей брахикефалии), меньшей ширине скул, меньшей длине и ширине носа. Он также отмечал связь некоторых признаков: меньшего головного указателя, большего роста, меньшей горизонтальной окружности головы, меньшей

длины и ширины носа. Эти признаки и их связь он был склонен относить на счет метисации с русскими. Королев (1903) фиксировал тенденцию к долихоцефалии, несколько больший рост, меньшую горизонтальную окружность головы, меньший головной указатель, меньшее выступание скул, «горбоносость» (выпуклые спинки носа) и «волосатость» (повышенное развитие третичного волосяного покрова). Эти признаки, за исключением последних двух, вместе с возможной связью роста, головного указателя и выступания скул он, как и Воробьев был склонен относить на счет метисации с русскими. Горбатые носы и «волосатость» Королев считал спорадическим проявлением влияния других элементов пестрого населения волжской дельты (армян, татар, казахов).

В отличие от этих авторов Чебоксаров (1935), Левин и Трофимова (1937) показали гораздо большую вероятность наличия у калмыков южных европеоидных компонентов. Этому способствовали более совершенные методики и анализ, немаловажную роль в котором сыграла и возможность сравнения с разными группами. Среди признаков уклоняющихся от облика большинства калмыков Чебоксаров (1935) называет тенденцию к долихоцефалии (хотя констатируется и брахицефальный европеоидный компонент), депигментации глаз, высокорослости, больший процент волнистых и мягких волос, больший рост бороды, больший процент овальных лиц, более выраженную горизонтальную профилировку лица, относительно слабое развитие складки верхнего века и эпикантуса, лепторинию, высокое переносье, выпуклую костную и хрящевую спинку носа, опущенность его кончика и основания, больший процент овальных и сильно наклонных ноздрей, тенденцию к ортохеилии верхней губы. У Левина и Трофимовой (1937) среди этих признаков: тенденция к долихокрании (долichoцефалии), больший высотный диаметр, меньшая абсолютная высота и ширина лица, более низкие глазницы, сильнее развитое надбровье, больший угол носа, более развитые *fossae caninae* и *spinae nasalis*. Среди носителей антропологических типов, признаки которых удалось выделить у калмыков, авторами назывались конкретные этнические группы (черкесы, туркмены-йомуды, кабардинцы, чеченцы, ингуши, авары, кумыки – Чебоксаров (1935); ногайцы, черкесы, возможно туркмены – Левин, Трофимова (1937), с которыми калмыки вполне могли контактировать и скорее всего контактировали в недалеком прошлом. Этот факт подтверждается нашими данными, полученными на основе родословных современных калмыков (Хойт, 2008b). Согласно этим данным, степень смешения с кавказскими группами увеличивается по мере удаления в прошлое.

Поскольку Королев (1903) и Воробьев (1903) не выделяли антропологических типов и писали об «астраханских калмыках» в целом, без фиксации конкретных этно-территориальных групп, распределение типов можно установить только по статьям Чебоксарова (1935) и Левина и Трофимовой (1937). Из европеоидных типов в данных работах выделялось два.

Западнокавказский тип (мезоцефальный, относительно широколицый, с выпуклой спинкой носа, опущенным кончиком и основанием), обнаружен Чебоксаровым (1935) у западных калмыков (ики дөрвөд и бузава) и Левиным и Трофимовой на 7 черепах (№№ 7407, 7392, 1765, 1778, 1817, 1818, 1823). Из них черепа №№ 7407, 7392 происходят с калмыцкого кладбища возле урочища Бодек Манычского улуса, №№ 1817, 1818, 1823 – с калмыцкого кладбища у Астрахани, откуда происходят черепа №№ 1765, 1778 неизвестно, отмечено лишь, что они доставлены проф. Вальтером. Поскольку известно, что Манычский улус являлся местом проживания бага дөрвөд, а территории непосредственно у Астрахани вхо-

дили в состав Хошутского улуса, население которого составляли хошууд, хойд и торгууд, наличие данного типа возможно во всех этно-территориальных группах.

Восточнокавказский тип (брахикефальный, со значительной скуловой шириной, большим процентом выпуклых спинки носа, его опущенных кончиков и оснований), обнаружен Чебоксаровым (1935) у кавказских калмыков (торгууд) и не исключался им у западных (ики дөрвөд и бузава).

Вывод предыдущей части нашего обзора (Хойт, 2008а) о том, что различия по некоторым признакам между этно-территориальными группами ойрат существовали еще до их прихода на европейскую территорию, не согласуется с мнением Чебоксарова (1935, с. 53), Левина и Трофимовой (1937, с. 78), склонных относить появление европеоидности исключительно к европейскому периоду истории калмыков. Как нам кажется в пользу нашего мнения говорит тот факт, что во всех работах, где имеется указание на этно-территориальную принадлежность, между наибольшими по численности группами европейских ойрат (торгууд и дөрвюд) фиксируются заметные различия. При этом различные признаки указывают на большую европеоидность дөрвюд. Эта закономерность нарушается только при описании кавказских (терских и кумских) калмыков, торгуудов по происхождению, которые по данным Чебоксарова (1935) оказались наиболее европеоидной группой. Однако это не удивительно, так как относительно других, данная часть калмыков находилась в гораздо более тесном и длительном контакте с кавказскими группами, что не могло не отразиться на ее облике. В отношении дөрвөд конечно, можно предположить, что большая их европеоидность возникла в силу большей интенсивности их контактов с окружающими группами уже на европейской территории. Однако, не исключая этого, заметим, что данное предположение нуждается в пристальном рассмотрении европейской истории торгууд и дөрвюд, которого в данном аспекте еще никто не делал. При этом вопрос об обособленной доевропейской истории торгууд и дөрвюд как причине антропологических различий, не исчезает даже в случае подтверждения этой гипотезы. В связи с этим было бы любопытно сравнить с европейскими ойратами те ойратские группы, которые никогда не покидали азиатских территорий.

Таким образом, европеоидные компоненты в облике калмыков могут быть связаны как с периодом пребывания на азиатских, так и с периодом пребывания на европейских территориях. Антропологи первой половины XX в. относят появление европеоидных комплексов признаков ко второму периоду, однако, учитывая устойчивые различия между этно-территориальными группами, отмечаемые в работах как XX, так и XVIII–XIX вв. мы не можем исключать и более раннее появление европеоидности. При этом вопрос о характере и интенсивности выраженности европеоидности для разных периодов следует оставить открытым.

Что касается монголоидных комплексов признаков, то согласно вышеприведенным работам у калмыков выделяются центральноазиатский, южносибирский и «палеосибирийский» антропологические типы. Распределение этих типов по этно-территориальным группам неравномерно.

Центральноазиатский тип (умеренно брахикефальный, с высоким и широким лицом, с умеренно выступающим переносом) признается основным и присутствующим во всех исследованных группах. Напомним, что Чебоксаров (1935) исследовал Западный улус, население которого составляли бузава, ики дөрвюд, кавказские (торгууд) и уральские калмыки. Левин и Трофимова (1937) изучали черепа с различных территорий, население которых составляли дөрвюд, торгууд, хойд, хошууд.

Южносибирский тип (с абсолютно крупными размерами черепа, резко брахикефальный, с наклонным лбом, развитым надбровьем, выпуклой спинкой носа, опущенными кончиком и основанием, очень высокой верхней губой) обнаруживается у западных (ики дервюд, бузава) и уральских калмыков. Известно, что в состав донских калмыков (бузава) входили торгууд, дервюд, а также группы позже вышедшие с территории Зунгарского нутуга. Какие именно бузава вошли в выборку Чебоксарова неизвестно, но, судя по тому, что из всех калмыков Западного улуса они оказались наиболее монголоидными, можно предположить что это были большей частью потомки торгууд. Относительно состава уральских калмыков, потомков ойрат состоявших в оренбургском и уральском казачьем войске, мы получили уточнения у историка Очирова У. Б., согласно данным которого, полученным им из архива КИГИ РАН и НАРК, оренбургская группа включала торгууд, дервюд и хошууд, которые после 1758 г. пополнились телеутами, урянхями и бухарцами (уйгурами). Уральские же состояли в основном из торгууд, с возможным наличием хошууд. К сожалению, в наши дни выяснить, чьи именно потомки вошли в 20 человек, обследованных Чебоксаровым в 1933 г., не представляется возможным.

«Палеосибирский» тип (массивный, долихокефальный, высоко- и широколицый, с очень покатым лбом и выраженным надбровьем) был зафиксирован на 4 черепах происходящих из Замьяновской станицы (№1832) и урочища Бодек Манычского улуса (№№ 7379, 7397, 7406). К сожалению, принадлежность этих черепов той или иной группе также вряд ли можно установить. Известно, что население Манычского улуса составляли бага дөрвөд. Станица Замьяновская находилась на территории Хошутского улуса, население которого составляли хошууд, хойд и торгууд. Согласно уточнениям Очирова У. Б. до 1771 г. хошуты были преобладающим населением Хошутского улуса. С 1758 г. это население дополнилось группами хойд, урянха, теленгид, а после 1771 г. основным населением улуса стали торгууд. Кроме этого, во время формирования астраханского казачьего войска, после 1771 г., туда могли попадать и дервюд. В силу данных обстоятельств мы воздержимся от предположений в отношении распространения «палеосибирского» типа в той или иной группе.

Таким образом, дифференцирующим фактором для основных калмыцких этно-территориальных групп является наличие и/или удельное содержание южносибирского типа. При этом представителями этого типа являются большей частью или исключительно дөрвөды. Нам неизвестна точная принадлежность уральских калмыков, но в случае если попавшие в 20 исследованных Чебоксаровым человек являлись потомками преимущественно или исключительно дөрвөд, то это лишь подчеркнет указанное заключение, а в случае если они были потомками преимущественно или исключительно торгууд, то наличие южносибирского типа можно объяснить контактами с казахским населением.

Резюмируя можно говорить о том, что по данным антропологов первой половины XX в. калмыки демонстрируют заметную неоднородность своего антропологического состава. Хотя о процентном отношении различных антропологических типов можно судить по приведенным у авторов цифрам, в силу относительно небольших выборок (от 61 до 225 наблюдений) мы воздержимся от оценки их удельного веса. Характеризуя две наиболее многочисленные этно-территориальные группы следует отметить, что при общей с торгуудами центральноазиатской основе у дөрвөд зафиксирован южносибирский тип, а из европеоидных – средиземноморские (западнокавказский тип) и возможно евразийские брахикефальные расоварианты (восточнокавказский тип). Торгууды же, на основной терри-

тории расселения которых, также фиксировался западнокавказский мезокефальный тип, за вычетом небольших анклавов (Урал, с оговорками выше) и групп на краях ареала (Кавказ), более однородны. У терских и кумских торгууд зафиксирован восточнокавказский тип, а у уральских калмыков (часть которых составляли торгууд) – южносибирский.

Разница в распространении антропологических типов свидетельствует о разных путях сложения указанных ойратских групп. При этом если отбросить европейский период истории, с явным влиянием южных европеоидов, то объяснение наличию/отсутствию или неравномерному распределению других антропологических типов, по нашему мнению, следует искать в более ранних этапах их формирования. Существенный вклад в разрешение этого вопроса может внести сравнение с ойратскими группами, которые никогда не покидали азиатских территорий.

Литература

На европейских языках

Bunak, 1932 – Bunak W.W. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas, Z. f. Morph. u. Anthrop., Bd. XXX, H. 3, 1932. цитировано по Чебоксаров, 1935; Левин, Трофимова, 1937.

Coon, 1931 – Coon C.L. Tribes of the Rif, Harvard African Studies, vol. IX, 1931. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Deniker, 1883; 1884 – Deniker J. Étude sur les Kalmouks // Revue d'anthropologie. t. VI, 1883; t. VII, 1884.

Deniker, 1898 – Deniker J. Les races de l'Europe., Anthrop. t. IX. № 2, 1898. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Eickstedt, 1920 – Eickstedt E. Rassenelemente der Sikh. Z. f. Ethnol., 52/53, 1920. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Fischer, 1923 – Fischer E. Spezielle Anthropologie: Rassenlehre in «Die Kultur d. Gegenwart», III Teil, V Abt., Anthropologie, 1923. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Kollmann, 1884 – Kollmann J. Kalmücken der Kleinen Durbeter Herde in Basel, Verh. d. Naturforsch. Gesellsch. in Basel, VII т., 3 Н., 1884. цитировано по Чебоксаров, 1935.

На русском языке

Ансеров, 1934 – Ансеров Н.И. Тюрки Нахичеванской АССР // Антропологический Журнал (АЖ). 1934, №1-2. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Воробьев, 1903 – Воробьев В.В. Астраханские калмыки // Русский Антропологический Журнал (РАЖ). 1903, №1. с. 1-22.

Дебец, 1929 – Дебец Г.Ф. Краниологический очерк танну-тувинцев // Северная Азия (Сев. Азия). 1929, № 5-6. цитировано по Левин, Трофимова, 1937.

Дебец, 1932 – Дебец Г.Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // АЖ. 1932, № 1. цитировано по Левин, Трофимова, 1937.

Дебец, Неопубликованные материалы... – Дебец Г.Ф. Неопубликованные материалы по антропологии Сев. Кавказа. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Ивановский, 1893 – Ивановский А.А. Монголы-торгоуты, ИОЛЕАЭ, т. XXI, тр. А.О., XIII, 1893. цитировано по Воробьев, 1903; Чебоксаров, 1935; Левин, Трофимова, 1937.

Ивановский, 1923 – Ивановский А.А. Об антропометрических изменениях народностей России

под влиянием голода // *Archiv für Anthropologie*, 20, Erstes Heft, Braunschweig, 1923. цитировано по Калмыки..., 1925. с. 122.

Калмыки..., 1928 – Калмыки. Исследование санитарного состояния и запаса жизненных сил. Под. ред. проф. А.В. Молькова. [Гос. Ин-т Социальной Гигиены. Экспедиция 1925-1926 гг.] М.–Л., 1928. – 347 с.

Королев, 1903 – Королев С.А. Астраханские калмыки // *РАЖ*. 1903, № 1. с. 23-47.

Левин, 1932 – Левин В.И. Этно-географическое распределение некоторых расовых признаков у населения Северного Кавказа // *АЖ*. 1932, № 2. цитировано по Чебоксаров, 1935; Левин, Трофимова, 1937.

Левин, Трофимова, 1937 – Левин М.Г., Трофимова Т.А. Калмыки. Краниологический очерк // *АЖ*. Москва, 1937, №1.

Лысенков, 1933 – Лысенков Н.К. Материалы к краниологии калмыков. (Серия калмыцких черепов одесской кафедры анатомии) // *АЖ*. 1933, № 1-2.

Мечников, 1876 – Мечников И.И. Антропологический очерк калмыков как представителей монгольской расы // *Тр. Антр. Отд. т. II кн. 1* (Изв. Имп. общества Любителей Антроп. и Естествозн. т. 20. 1876. с. 205-211).

Патканов, 1908 – Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири // *Ежегодник России*. 1908. цитировано по Калмыки..., 1925. с. 86.

Поярков, Мацеевский, 1883 – Поярков и Мацеевский. Краткие этнографические заметки о туземцах бывшего Кульджинского района. Омск, 1883. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Рогинский, 1934 – Рогинский Я.Я. Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья // *АЖ*. 1934, №3. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Руденко, 1914 – Руденко С.И. Антропологические исследования инородцев Сев-зап. Сибири // *Зап. Ак. наук по физ.-мат. отд., т. XXXIII*, № 3, 1914. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Силинич, 1916 – Силинич И.П. К вопросу об антропологическом типе населения Северо-западной Сибири // *РАЖ*. 1916, № 3-4. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Хойт, 2008a – Хойт С.К. Антропологические характеристики калмыков по данным исследований XVIII-XIX вв. // *Вестник Прикаспия: археология, история, этнография*. Элиста: Изд-во КГУ, 2008, №1. с. 220-243.

Хойт, 2008b – Хойт С.К. Иноэтничные включения в группах европейских ойрат (калмыков) по данным родословных // *Сборник научных трудов молодых ученых, аспирантов и студентов Калмыцкого государственного университета*. Элиста: Изд-во КГУ, 2008. с. 42-45.

Чебоксаров, 1935 – Чебоксаров Н.Н. Калмыки Западного улуса // *АЖ*. Москва, 1935, №1.

Ярхо, 1929 – Ярхо А.И. Антропологический тип кемчикских танну-тувинцев // *Сев. Азия*. 1929, №5-6. цитировано по Чебоксаров, 1935; Левин, Трофимова, 1937.

Ярхо, 1930 – Ярхо А.И. Казаки Русского Алтая // *Сев. Азия*. 1930, №1-2. цитировано по Левин, Трофимова, 1937.

Ярхо, 1932 – Ярхо А.И. Ганджинские тюрки // *АЖ*. 1932, № 2. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Ярхо, 1933 – Ярхо А.И. Туркмены Хорезма и Сев. Кавказа // *АЖ*. 1933, №1-2. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Ярхо, 1935a – Ярхо А.И. Антропологическое изучение турецких народностей СССР // *АЖ*. 1935, №2. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Ярхо, 1935b – Ярхо А.И. Казаки Русского Алтая // *Сев. Азия*. 1935, №1-2. цитировано по Чебоксаров, 1935.

Ярхо, Алтае-саянские турки – Ярхо А.И. Алтае-саянские турки (рукопись). цитировано по Чебоксаров, 1935.